

СОЦИАЛЬНАЯ СУБЪЕКТИВНОСТЬ В СТРУКТУРАХ АРТИКУЛЯЦИИ

Рассматривается проблема существования социальной субъективности в структурах артикуляции. Смыслы социального выстраиваются по писаным правилам общения, на пределе существования которых имеются неписанные правила. Объективация социальной субъективности происходит как ее дискурсивное самоопределение в структурах артикуляции, где она, с одной стороны, оказывается тем, кто определяет, – субъектом дискурса артикулируемой «здесь и сейчас» коммуникации по писаным правилам общения, с другой стороны, тем, что определяется, – объектом дискурса по неписанным правилам.

Ключевые слова: связность; различение; неписанные / писанные правила; культурная карта; группа; разметка; нулевая разметка; высокая / слабая артикуляция; неартикулированные элементы; нулевая субъективность; нулевое сообщение.

Актуальность темы обусловлена тем, что в марксистской теории основание общества сводилось к экономическим, материальным отношениям. Развитие современных представлений об обществе XXI в. требует пересмотра его фундамента, направленности. Так, анализируя существование современного общества, немецкий социолог Никлас Луман предложил положить в его основу понятие коммуникации. Он утверждает, что «это позволяет представить социальную систему как оперативно закрытую систему, состоящую из собственных операций, производящую коммуникации из коммуникаций» [1. С. 4]. Понятие коммуникации становится решающим для определения понятия современного общества. Это означает, что в зависимости от того, как определяют коммуникацию, определяют и общество, а определение понимается здесь в точном смысле этого термина как определение его границ.

По его мнению, коммуникация – это триединство информации, сообщения и понимания. Единичное действие (unit act) коммуникации происходит через различение информации и сообщения. То есть понимание есть условие участия в коммуникации, «если на уровне понимания не будет проводиться различение между сообщением и информацией, коммуникация не состоится» [2. С. 310]. Это значит, что в понимании достигается взаимосвязь между информацией и сообщением, причем в значительной мере за счет языка, потому что если кто-то выражается вербально, ясно, что он хочет сообщить то, что он говорит. «Тогда содержание фиксируется благодаря языку, а сам факт говорения показывает, что он хочет это сообщить» [Там же. С. 310–311].

Согласно его позиции коммуникация с точки зрения логики начинается, если можно так сказать, с понимания, а не с сообщения. Тот, кто что-то сообщает, уже заранее предугадывает, будет ли он понят и будет ли то, что он скажет, принято или не принято, приемлемо или неприемлемо. Проблема заключается в том, что тот, кто делает сообщение, должен позаботиться о его понятности. Это невозможно, если антиципация понятности и антиципация горизонта приема не совпадают в условиях смысла, при которых коммуникация может продолжаться (если речь идет о передаче в абсолютно случайные, неизвестные горизонты приема). То есть коммуникация через время и расстояния происходит как бы на авось или наугад. Это означает, что коммуниканты, не достигающие антиципации в

коммуникации, не имеют возможности ее поддерживать. Если имеет место непонимание, то коммуникация так и так прекращается, независимо от того, принято это или нет, и как это идет – через «да» или «нет». То есть коммуникация создает на каждом шагу бифуркацию восприятия / открытия и отклонения / закрытия системы. Таким образом, согласно Никласу Луману, под коммуникацией следует понимать «некое исторически-конкретное протекающее, зависимое от контекста событие», специфическую операцию, характеризующую исключительно социальные системы, в ходе которой происходит перераспределение знания и незнания.

Как отмечает Ж. Бодрийяр, если мы определяем коммуникацию как нечто иное, нежели просто передача и прием информации, то последняя подвержена обратимости в форме **Feedback** (*обратная связь* – прим. перев.). «Призыв к массам, в сущности, всегда остаётся без ответа» [3. С. 1]. Это значит, что социальное сегодня – это «сила инертного, принцип функционирования [l'efficace]» [Там же. С. 2].

В результате, не имея обратной связи, общество находится в состоянии безответственности (*не-ответа*). Это означает, что, несмотря на отсутствие информации, сообщение существует даже если оно «пустое», оно извещает о своём присутствии (*присутии*). Исходя из триединства понятия коммуникации – информации, сообщения и понимания, – в антикоммуникации существует возможность речи без информации, и тогда коммуникативность сохраняется. Это значит, что проблема коммуникации «без ответа» сводится к «нулевым» сообщениям, к «пустым» знакам, форма которых сохраняется, а их содержание утрачивается. Таким образом, сообщения оказываются симулякрами – ложными подобиями, условными знаками чего-либо, функционирующими в обществе как его заместитель. Социальное рассматривается как «неразличимость равнозначности (бесконечная сумма равнозначных индивидов 1+1+1+1 – это её социологическое определение), но выступает неразличимостью нейтрального, то есть ни того ни другого (*neutral*)» [Там же]. Здесь невозможен обмен смыслами – они тут же рассеиваются, подобно тому как рассеиваются в пустоте атомы. В результате возникает эффект «чёрной дыры» социального, куда оно проваливается – это и есть «предположение смерти социального...» [Там же]. Таким образом, современное общество, по мнению Бодрийяра, антикоммуникативно, в

нём невозможен обмен мыслями и / или смыслами. Произошла «имплозия знака» (последняя состоит в растворении полюсов значения: больше нет ни означающего, ни означаемого).

Социальное сегодня представляет массы, которые «чувствуют, что за полной гегемонией смысла стоит террор схематизации, и, насколько могут, сопротивляются ему, переводя все артикулированные дискурсы в плоскость иррационального и безосновного, туда, где никакие знаки смыслом уже не обладают и где любой из них тратит свои силы на то, чтобы заворачивать и околдовывать, – в плоскость зрелищного. В паре зондаж / молчаливое большинство, к примеру, нет ни противоположных, ни вообще выделенных элементов [*termes differentiels*]; нет, следовательно, и потока социального... погружённые в своё молчание, массы больше не субъект (прежде всего не субъект истории) и, следовательно, не могут войти в сферу *артикулированной речи*» [3. С. 4–8].

В результате «не-ответа» в «здесь и сейчас» коммуникации и в письменности, в том числе сообщения соответствуют «пустому» посланию. Это значит, что артикуляция в ситуации антикоммуникативности сохраняется.

Таким образом, актуализируются две противоположно направленные позиции в отношении социального. С одной стороны, общество коммуникативно, где понимание – главное условие различения информации и сообщения, с другой – оно антикоммуникативно, где отсутствует информация, но есть сообщение. Данные понятия имеют общее коммуникативное основание – наличие (*a priori*) языка. Это значит, что в ситуации антикоммуникативности сохранение коммуникации можно связывать с «нулевым» артикулированным сообщением, не несущим информации, но необходимым для подтверждения собственного существования. Поскольку коммуникация предполагает обмен мыслями / смыслами, постольку возникает потребность их объективации в структурах артикуляции, актуализируется проблема возможности социального в ситуации антикоммуникативности.

Данную проблематику косвенно затрагивали философы: С. Жижек (концепция непристойной изнанки), З. Бауман, Б. Малиновский (понятие фатического общения), Р. Якобсон (контактоустанавливающая функция языка), Л. Витгенштейн (идея языковых игр).

Коммуникация – от лат. *communicatio*, что означает сообщение, *communicare* – передача, делать общим, беседовать, связывать, сообщать, передавать. Существует «чистая» артикуляция, или «разговор ни о чем». Ее функция (смысл) в установлении контакта. Эта коммуникация называется фатической, или «нулевой», коммуникацией (термин Б. Малиновского). При ее артикуляции коммуникативные средства используются исключительно с целью поддержания самого процесса общения.

Как замечает Б. Малиновский, многие инстинкты и внутренние стремления, такие как страх или агрессия, все типы социальных чувств – амбициозность, тщеславие, жажда власти и богатства – зависят от фундаментальной тенденции, в соответствии с которой простое присутствие других людей становится

для человека необходимым условием его существования. «И тогда язык здесь не зависит от того, что происходит в данный момент, каким бы ни был конкретный контекст ситуации» [4. С. 201].

Фраза, произносимая просто из вежливости как во многих дикарских племенах, так и в европейской гостинице, выполняет функцию, для которой значения слов почти не играют никакой роли: «Когда спрашивают о здоровье, обмениваются замечаниями о погоде, говорят какие-то совершенно очевидные вещи, то все это делается совсем не для обмена информацией, не для того, чтобы объединить людей каким-либо совместным действием, и, уж конечно, не для того, чтобы выразить какую-то мысль» [Там же. С. 213]. Следовательно, фатическая коммуникация существует только ради самой себя и не функционирует как средство для обмена мыслями и / или смыслами. Иначе, люди говорят потому, что умеют говорить, и в этом *артикулируемом* говорении выражается *связность* социального. Это значит, что существующая «чистая» артикуляция, или «разговор ни о чём», проявляется в фатической коммуникации, смысл которой в установлении контакта (*связи*) между коммуницирующими. Данная связность указывает на предпонимание коммуникантов, на их изначальное «уже» понимание друг друга. Наличие этого предпонимания не требует толкований, доказательств, прописывания. Поэтому данная связность является неписаным правилом социального. Оно обнаруживается в момент нарушения этой связности, например правил вежливости.

Б. Малиновский акцентировал внимание на взаимосвязи речи с контекстом ситуации, отмечая, что не существует никакого определения слова, в котором не присутствовала бы реальность, обозначаемая этим словом. «Нельзя определить вещь, не определяя в то же время *артикулированное* слово, соединенное с аспектом ситуации» [Там же. С. 223–224]. Согласно Б. Малиновскому, за простотой грамматической структуры скрывается богатство выразительных возможностей благодаря особому положению отдельных элементов этой структуры, а также *контексту ситуации*. Если человек вознамерится понять хотя бы общий ход мысли в предложении, он вначале должен что-то знать о коммуникативной ситуации, в которой эти слова произносятся. Это значит, что речь идет о (*уже*) изначальном понимании людей в фатической коммуникации, взаимосвязанных (*взаимо-связанных*) единым контекстом культуры. В этом отношении фатическая коммуникация проявляет более глубокий уровень контекстуальности или понимания / связности / присутствия герменевтического круга. То есть коммуникативность социального – это *связность*, определяющая стереотипы общества, согласующиеся с *неписаными правилами* общения.

Как отметил Б. Малиновский, люди вступают в личный контакт не для того, чтобы сообщить друг другу некие сведения, а просто затем, чтобы быть вместе. Это означает, что данное общение выполняет контактоустанавливающую функцию, когда отправитель и адресат, предположительно используя один и тот же код, проверяют работу самой системы.

Иными словами, согласно Р. Якобсону, значение любого высказывания в фатической коммуникации может быть понято вне связи с поведением говорящего или слушающего, оно не зависит и от цели их действий, а существует, чтобы «проверить, работает ли канал связи, а также для того, чтобы привлечь внимание собеседника и удержать его в случае надобности» [5]. Таким образом, фатическая коммуникация предполагает использование языка в аспекте того, что называется свободным, бесцельным социальным общением. Всем людям свойственна хорошо известная тенденция объединяться, быть вместе, иметь удовольствие от общения, предъявляя сущностную способность говорения.

В результате фатическое (*артикулируемое*) общение обнаруживает то, что общество коммуникативно и служит объединению людей для подтверждения их социального – совместного – существования (*со-существования*). Этот способ общения (как *со-общения*) не производит смысла, и социальная субъективность в нем также оказывается «нулевой» или *пустой*. Иными словами, в фатическом общении предъясняется «фа(к)тическая» связность социальной общности на «нулевом» уровне *неписаных правил* ее коммуникативной развертки. В результате неписанные правила существуют во всех коммуникациях (*артикуляциях*) как общепринятая данность, утверждая нам реальность коммуникации. Это значит, что социальное без фатического общения существовать не может.

Итак, социальная субъективность предъясняется в структурах артикуляции между писаными (*артикулированными*) и неписаными (*неартикулированными*) правилами общения. Коммуникация (*артикуляция*), производимая «здесь и сейчас», обнаруживает социальное в дискурсивном порядке, маркирует и объективирует смыслы писаных правил общения. Приведя коммуникацию (*артикуляцию*) к пределу, обнаруживаются неписанные правила общества (сообщества), которые проявляются в момент их нарушения. Это значит, что на пределе коммуникации общество находится в «нулевом» состоянии социальной субъективности. Наличие фатической «нулевой» артикулируемой коммуникации, смысл которой в установлении контакта, подтверждает сущностную потребность общества в коммуникации. Это значит, что коммуницирующие в фатической коммуникации (*уже*) понимают друг друга, так как живут в одном широком контексте культуры. В этом отношении фатическая коммуникация проявляет более глубокий уровень контекстуальности или понимания / связности, присутствия герменевтического круга. Как понимание и контекстуальность, неписанные правила, таким образом, оказываются (*уже*) существующими во всех коммуникациях как общепринятая данность, утверждающая реальность коммуникации. Это значит, что артикулируемая «здесь и сейчас» социальность проявляет себя и в артикулируемости в неписанных правилах, которая была (*уже*) когда-то в прошлом, и, тем самым, она глубинная. В результате все правила, которые проговаривались в прошлом, не требуют артикуляции и прописывания. Подобно фатическому общению, не требующему его доказательств, неписанные правила также не требуют ничего, кроме их

подтверждаемости в повторяемости. О них можно говорить только тогда, когда они нарушаются. Это значит, что в ситуации неартикулируемости должно существовать общение, также должна быть и социальность. Неписанные правила проявляются там, где социальность уничтожается и коммуникативность тоже исчезает, например в ситуации безответности (без-ответа). Обнаружение неписанных правил происходит в момент их нарушения.

Таким образом, объективация социальной субъективности производится через предъявление социального писаными (*артикулируемыми*) и неписаными (*неартикулируемыми*) правилами общения. В результате общество, с одной стороны, объективируется (*обнаруживает смыслы*) как фактическая реальность «здесь и сейчас» коммуникации (*артикуляции*), с другой – определяется (*очерчивается*) неписаными правилами общения, нарушения которых все время выбрасывает на границу общества (*со-общества*), тем самым ограничивая (*о-граничивая*) его пределы.

Это значит, что объективация социальной субъективности происходит как ее дискурсивное самоопределение в структурах артикуляции, где она, с одной стороны, оказывается тем, кто определяет, – субъектом дискурса артикулируемой «здесь и сейчас» коммуникации по писаным правилам общения, с другой стороны, тем, что определяется, – объектом дискурса по неписанным правилам. Соответственно, возникает как возможность ее идентификации через саморефлексию (*артикулируемость*), так и возможность самоопределения через объективные (*неартикулируемые*) структуры неписанных правил. Мы полагаем, что определение социальной субъективности имеет смысл только тогда, когда она понимается в аспекте субъект-объектного тождества, в котором социальная субъективность самопредставляется через самоотношение бытия социальной реальности и оказывается точкой означающего со-бытия, т.е. некоторой социальной позицией, существующей в пространстве социальной реальности. Процесс объективации социальной субъективности предъясняется как ее самоманифестация в движении по поверхности социальной реальности, с одной стороны. Нарушениями неписанных правил она как бы прочерчивает линию ее границы – с другой. Тем самым она самопредъясняется, одновременно проявляя структуру социального пространства, которая самоустанавливается как имманентная поверхность самоконструирования социальной субъективности. Смыслы социального дискурса самоопределяются через точку ее самопредставленности в артикулированной «здесь и сейчас» коммуникации.

Таким образом, социальная субъективность подтверждает существование общества в структурах артикуляции, с одной стороны, – в «здесь и сейчас» коммуникации (*артикуляции*), с другой – определяет границы данного общества через нарушения коммуникации, которые выбрасывает на границу (*со-общества*), обнаруживая его пределы. То есть социальная субъективность выступает как субъект в структурах артикулируемого и как объект неартикулируемого дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Луман Н. Понятие общества. URL: <http://u.to/WIPZCA>
2. Луман Н. Введение в системную теорию / под ред. Д. Беккера ; пер. с нем. К. Тимофеева. М. : Логос, 2007. 360 с.
3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. URL: http://u.to/_PZ1Aw
4. Малиновский Б. Фатическая коммуникация. URL: <http://yahs.ru/ozi>
5. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» : сб. ст. М., 1975. С. 193–230. URL: <http://u.to/s8wYBQ>
6. Яркеев А.В. Этническая идентичность в дискурсе социального мифа. Ижевск : Удмурт. ун-т, 2009. 180 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 06 декабря 2014 г.

SOCIAL SUBJECTIVITY IN THE STRUCTURES OF ARTICULATION

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 109–112. DOI 10.17223/15617793/391/17

Chigvintseva Olga A. Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: ochigvintseva@list.ru

Keywords: connectivity; discernment; written/unwritten rules; cultural map; group; markup; zero markup; high / low articulation; unarticulated elements; zero subjectivity; zero message.

Social subjectivity is presented in the structures of articulation between the written (articulated) and unwritten (not articulated) rules of communication. "Here and now" produced communication (articulation) detects the social in the discursive order, marks and objectifies the meanings of written rules of communication. Bringing communication (articulation) to the limit, unwritten rules of a society (community) are detected which manifest themselves at the time of their violation. This means that at the limit of communication society is at a "zero" state of social subjectivity. The presence of the articulated phatic "zero" communication, which has the function of establishing a contact, confirms the essential need of society in communication. This means that the communicants in the phatic communication (already) understand each other, because they live in the same broad cultural context. Thus, this communication reveals a deeper level of contextuality or understanding / connectivity, the presence of the hermeneutic circle. The unwritten rules as understanding and contextuality, therefore, (already) exist in all communications as a given which is generally accepted and thus confirms the reality of communication. Thus, the objectification of social subjectivity is its discursive self-determination in the structures of articulation where it, on the one hand, becomes something that determines, the subject of the discourse of communication articulated "here and now" by the written rules of communication. On the other hand, it is the fact that is determined, the object of discourse according to unwritten rules. Accordingly, there is a possibility of its identification through self-reflection (articulated), and possibility of self-determination through the objective (not articulated) structures of unwritten rules. We suppose that the definition of social subjectivity makes sense only when it is understood in terms of subject-object identity, in which social subjectivity self-determines through self-relation of existence to social reality and is the point of the meaningful co-existence, i.e. a social position that exists in the space of social reality. The process of objectification of social subjectivity is presented as its self-manifestation in motion on the surface of social reality, on the one hand. The process is also presented as violations of unwritten rules as if it draws a line of its borders, on the other hand. Thus, it self-presents while showing the structure of the social space, which self-aligns as an immanent surface of self-construction of social subjectivity. Meanings of social discourse define themselves through the point of its self-representation in communication articulated "here and now".

REFERENCES

1. Luhmann N. *Ponyatie obshchestva* [The concept of society]. Available from: <http://u.to/WIPZCA>.
2. Luhmann N. *Vvedenie v sistemnyuyu teoriyu* [Introduction to systems theory]. Translated from German by K. Timofeev. Moscow: Logos Publ., 2007. 360 p.
3. Baudrillard J. *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo* [In the shadow of the silent majority, or The end of the social]. Available from: http://u.to/_PZ1Aw.
4. Malinovskiy B. *Faticheskaya kommunikatsiya* [Phatic communication]. Available from: <http://yahs.ru/ozi>.
5. Jacobson R. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and Poetics]. In: *Strukturalizm: "za" i "protiv"* [Structuralism: "pros" and "cons"]. Moscow: 1975, pp. 193–230. Available from: <http://u.to/s8wYBQ>.
6. Yarkeev A.V. *Etnicheskaya identichnost' v diskurse sotsial'nogo mifa* [Ethnic identity in the discourse of social myth]. Izhevsk: Udmurt State University Publ., 2009. 180 p.

Received: 06 December 2014